ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 35 (2418) Суббота, 1 мая 1948 г. Цена 40 коп.

Да здравствует 1 Мая!

Смотр сил демократии

В этот торжественный день, овеянный дыханием весны, на боевой смотр выходят все прогрессивные силы человечества, борющиеся за демократию, за социализм.

Лагерю реакции, возглавляемому международными империалистами, поджигателями новой войны, противостоит могучий демократический лагерь во главе с Советским Союзом.

СССР — надежный оплот мира и безопасности, демократии и свободы. Великая страна, построившая социализм и успешно идущая к коммунизму, показывает всему человечеству путь к счастью народов. Взоры трудящихся во всех концах земного шара обращены к Советскому Союзу, к Москве, к Сталину.

Советские люди, идущие во главе человечества, празднуют Первое мая с гордым сознанием правоты и величия нашего дела. Разведчики будущего, пролагающие новые пути, строители коммунизма, утверждающие в мире великие идеи Ленина—Сталина, выходят на первомайский смотр, озаренные славой всемирно-исторических побед, славой незабываемых подвигов.

Советский Союз спас народы земли от фашизма. Образ советского воина, который не только очистил от врага родную землю, но и принес свободу исстрадавшимся народам Европы, образ сталинского солдата — отважного, благородного, верного своему долгу, живет в сердцах миллионов спасенных им людей.

Ныне многие из тех, кого встречали с ликованием Варшава и Белград, София и Вена, жители Киркенеса и рыбаки Борнгольма, трудятся на лесах новостроек, на необ'ятных колхозных нивах. На их гимнастерках со следами погон, на их рабочих спецовках рядом с боевыми наградами уже сияют знаки новой славы — золотые звезды и ордена за героические созидательные подвиги.

Едва отгремели последние раскаты битвы, как партия большевиков повела советский народ в наступление на широком фронте труда. План послевоенной пятилетки, грандиозная программа восстановления и развития народного хозяйства, начертанная Сталиным, воодушевила миллионы патриотов. И поднялись на месте пепелищ новые стены, и земля, опаленная пожарами, а затем жестокой засухой, вновь зазеленела, заколосилась. Исковерканные домны вернулись к жизни, затопленные шахты вновь огласились грохотом отбойных молотков. Запах гари в сожженных деревнях сменился смолистым ароматом новых срубов. Новые блюминги, новые турбины, новые школы, новые дворцы рождались в неустанном труде. Могучая сила социалистического соревнования вызвала такой всенародный под'ем творчества, какого еще не знал мир. Первые два года послевоенной пятилетки были выполнены досрочно. В гуще народа, в сердцах созидателей родился окрыляющий лозунг, пламенный девиз: «Пятилетку — в четыре года!»

Первомайский праздник текущего года советский народ встречает новыми подвигами. Третий решающий год пятилетки должен быть выполнен и будет выполнен в еще более короткие сроки, чем планы предыдущих годов!

Предмайское социалистическое соревнование охватило всю страну. Со всех концов Родины поступают волнующие сообщения о новых достижениях новаторов производства, героев труда.

Во всех областях народного хозяйства опыт передовиков становится достоянием масс, — в этом проявляется величайшее воспитательное, преобразующее действие социалистического соревнования.

Самоотверженный труд патриотов приносит прекрасные плоды. Восстановление и развитие нашей экономики идут во все возрастающем темпе. С каждым месяцем растут могущество нашего государства и благосостояние советского народа.

Одновременно с этими производственными успехами советские люди одерживают новые победы в области культуры. Духовная жизнь нашего народа богата и многогранна. Это духовное богатство отражено в новых выдающихся произведениях литературы и искусства, удостоенных недавно Сталинской премии.

Но успокаиваться на достигнутом не в правилах советских людей. Не может удовлетвориться даже самым выдающимся успехом ни шахтер, выполнивший несколько норм за смену, ни бригадир, собравший невиданный урожай, ни писатель, написавший хорошую и нужную книгу.

Нет предела творческим дерзаниям большевиков! Неуклонное стремление к новым победам — таков непреложный закон нашей жизни!

Великий Сталин, партия большевиков зовут нас преодолевать любые трудности, решать самые сложные задачи, оставляя далеко позади достигнутое ранее. Это вечное творческое беспокойство, жажда новых подвигов и свершений — замечательное качество, воспитанное в советских людях социалистическим строем.

Сегодня во всех углах земного шара люди будут ловить позывные Москвы, слушать дыхание великой советской страны.

Силы демократического лагеря растут с каждым днем. Новые и новые победы одерживают наши друзья за рубежом, борющиеся за свои права, за свободу, за процветание и независимость своих стран против реакции, против иноземной кабалы.

Народы не хотят жить в империалистическом ярме, не хотят быть колониальными рабами. Не для того пролито столько крови на полях второй мировой войны, не для того низвергнут гитлеризм, чтобы на смену разгромленным угнетателям пришли новые душители свободы, новые поджигатели войны. Не бывать этому!

С чувством братской солидарности следят советские люди за борьбой и успехами друзей.

Свидетельства роста демократических сил мы находим повсюду—и в Греции, где Демократическая армия успешно продолжает свою героическую борьбу, несмотря на бешеный террор, вопреки всем усилиям монархистов и их заокеанских покровителей; и в Италии, где, несмотря на принуждение, подлоги и обман, несмотря на иностранное давление и заклинания Ватикана, во время последних выборов Народно-демократический фронт получил значительную поддержку передовой части итальянского народа; и в Китае, где Народно-освободительная армия одерживает все новые и новые победы.

Сегодня мы публикуем письмо группы видных американских писателей и деятелей культуры, полученное в ответ на письмо советских писателей. Это письмо ярко свидетельствует о том, что, несмотря на полицейский режим, установленный в Соединенных Штатах, несмотря на клевету и дезинформацию, миллионы американцев стремятся к подлинной демократии и свободе. «Мы не допустим, чтобы наша нация погрязла в трясине фашизма», — пишут передовые американские писатели, выражая волю простых людей своей страны. «Наши враги поймут, — говорится в послании, — что наша международная солидарность во имя мира и демократии непоколебима, несмотря на их неистовые метания и преследования».

Таков голос настоящей Америки.

Крепнущий во всем мире фронт демократии страшит главарей империалистического лагеря. Перед лицом все усиливающейся мощи прогрессивных сил реакция теряет самообладание. Нервы господ, возомнивших себя хозяевами мира, не выдерживают. Неистовство империалистических кликуш, бешенство реакционной печати, бесчинство потерявших голову жандармов — все это свидетельствует об одном: о страхе перед народами, стремящимися к свободе и миру.

В то же самое время силы демократии исполнены спокойствия и уверенности, ибо они ощущают могучую поддержку миллионов трудящихся, ибо все происки и авантюры международного империализма бессильны перед непоколебимой волей народов.

Борцы за демократию и социализм черпают свою уверенность и вдохновение в замечательных успехах советского народа, показывающего всему миру, к каким сверкающим вершинам свободы и счастья приводят страну подлинная демократия и осуществленный социализм.

Сегодня на Красной площади будут незримо присутствовать миллионы наших друзей.

На виду у всего мира мимо древних стен Кремля пройдут во всем величии боевой мощи советские воины, освободившие человечество от гитлеровского ига и ныне стоящие на страже прочного мира, сотрудничества и дружбы между народами. Пройдут по Красной площади ликующие колонны созидателей, вдохновенным трудом утверждающих в мире торжество великих идей Ленина—Сталина.

Все взоры, все сердца с любовью обращены к Сталину, чье имя воодушевляет всех трудящихся мира на борьбу за счастье народов.

В этот солнечный день во всех концах нашей Родины звучат пламенные слова, начертанные на первомайских стягах:

— Под знаменем Ленина, под водительством Сталина, вперед, к победе коммунизма!

С. МАРШАК

ПЕРВОЕ МАЯ

Сегодня — лучший день весны.
Сегодня — Первомай.
Оркестры дальние слышны.
В цветных флажках трамвай.

Взлетает легкий красный шар
Под самый небосклон.
Пылают буйно, как пожар,
Полотнища знамен.

Плывут знамена на парад.
Внизу скользит их тень.
А много лет тому назад,
В такой же майский день

Колонны шли, как на войну,
И, замедляя шаг,
Выбрасывали в вышину
Запретный красный флаг.

Сегодня тканью огневой
Расцвел Советский край.
И громы пушек над Москвой
Встречают Первомай!

Александр ЯШИН

На юге и на севере

1.

В совхозе «Михайловский перевал»
Уже зацвели на склонах сады,
А здесь снегопад не отбушевал,
В промерзших ручьях не достать воды.

Какие там жаворонки, грачи!..
Из сел на поля не кажись без лыж.
Но все-таки запах не тот в ночи,
А в полдень—вот-вот и закаплет с крыш.

Длинней и на севере стали дни,
Свежее и мягче сосновый лес,
И так же не гаснут всю ночь огни
В конторах колхозов и МТС.

И кузнецам теперь не до сна,
От звона, от грохота спасу нет.
Пусть холод еще,
Но весна, весна
На все кладет свой хозяйский след.

В совхозе «Михайловский перевал»
Сады зацветают.
Земля поет.
А в Вологде тетерев затоковал:
Весна идет,
Ее срок настал,
И сердце сердцу весть подает.

2.

На севере, на севере
Еще стоит зима,
А здесь поля засеяны
И в зелени дома.

Степные дали ожили,
Трава гудит от пчел,
Лесистых гор подножия
Хмельны от свежих смол.

И в праздничные, ясные,
Торжественные дни
Шумят знамена красные,
Пылая, как огни.

1948.

Торжественное заседание московских писателей

29 апреля в Центральном доме литераторов московские писатели собрались на торжественное заседание, посвященное празднованию Первого мая.

Заседание открыл секретарь партийной организации Союза писателей А. Софронов. С докладом «Международный праздник трудящихся — Первое мая» выступил Г. Свердлов.

С большим под'емом собрание единодушно приняло приветственное письмо вождю народов товарищу И. В. Сталину.

В заключение состоялся большой концерт.

Третья пятилетка токаря Давыдова

ТУЛА. (Наш корр.). Накануне Первого мая знатный токарь Тульского машиностроительного завода Министерства путей сообщения Михаил Давыдов закончил выполнение плана второй послевоенной пятилетки.

Стахановец-новатор начал программу 1956 года. Успех достигнут благодаря мастерскому использованию станка, рациональной обработке деталей.

ПРИКАЗ

Министра Вооруженных Сил Союза ССР

1 мая 1948 г. № 18 г. Москва

Товарищи солдаты и матросы, сержанты и старшины! Товарищи офицеры, генералы и адмиралы!

Сегодня вместе со всем советским народом Вооруженные Силы Советского Союза празднуют Первое Мая — день смотра боевых сил трудящихся всего мира.

Советский народ встречает в этом году Первое Мая в обстановке новых побед на всех участках социалистического строительства, в обстановке большого патриотического под'ема.

Благодаря самоотверженному труду советских людей и правильной политике нашей великой партии Ленина—Сталина и нашего Правительства, достигнуты выдающиеся успехи в борьбе за ликвидацию тяжелых последствий войны, в выполнении послевоенного пятилетнего плана и обеспечен значительный под'ем материального благополучия советского народа.

Народно-хозяйственные успехи Советского Союза в послевоенный период вновь показывают всему миру могучую силу и неоспоримые преимущества нашего советского общественного строя, нашей советской социалистической экономики.

Выполняя программу строительства коммунизма, верные своей политике мира, советский народ и его Правительство не забывают о происках международной реакции, направленных против нашей страны и стран новой демократии, против дела мира во всем мире.

В этих условиях Советская Армия и Советский Военно-Морской Флот, призванные обеспечить безопасность советского народа, должны быть в постоянной боевой готовности и с честью выполнять свой воинский долг перед Родиной.

Весь личный состав наших Вооруженных Сил обязан настойчиво совершенствовать свои военные и политические знания, овладевать новой военной техникой, повышать бдительность и строго соблюдать воинскую дисциплину.

В связи с изменениями в личном составе Армии и Флота, вызванными демобилизацией старших возрастов, генералы, адмиралы и офицеры должны особое внимание уделить воинскому обучению и воспитанию оставшихся на службе молодых солдат и матросов, сержантов и старшин, прививая им боевые традиции Советских Вооруженных Сил, любовь к военной службе и чувство гордости высоким званием защитника Советского Союза.

В предстоящем летнем периоде учебы — важнейшем этапе боевой подготовки войск — всем войсковым подразделениям, частям, кораблям, соединениям и военно-учебным заведениям надлежит успешно выполнить поставленные перед ними задачи.

Товарищи солдаты и матросы, сержанты и старшины! Товарищи офицеры, генералы и адмиралы!

Воины, демобилизованные из рядов Вооруженных Сил!
Приветствую и поздравляю вас с днем Первого Мая.

В ознаменование международного праздника трудящихся — приказываю:

Сегодня, 1 мая, произвести салют в столице нашей Родины — Москве, в столицах союзных республик, а также в Калининграде, Львове, в Хабаровске, Владивостоке, в Порт-Артуре и в городах-героях: Ленинграде, Сталинграде, Севастополе и Одессе — двадцатью артиллерийскими залпами.

Да здравствуют героический советский народ и наша могучая Родина!

Да здравствуют Советские Вооруженные Силы!

Да здравствует наше Правительство!

Да здравствует наша Коммунистическая Партия!

Да здравствует наш вождь — великий СТАЛИН!

Министр Вооруженных Сил Союза ССР
Маршал Советского Союза Н. БУЛГАНИН.

РАЗГОВОР С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ КОЛХОЗА

Когда редакцию соединили с хутором Степным, что в Ново-Покровском районе Саратовской области, из квартиры председателя колхоза «Стахановец» сообщили, что Ферапонта Петровича Головатого нет дома.

— Выехал в Саратов, — донесся далекий голос.

— Сейчас разыщем, — сказала саратовская телефонистка. — Уверена, что он у дочки. Соединяю с ее квартирой.

— Откуда вы знаете, что у председателя колхоза в Саратове живет дочь? — поинтересовались мы у саратовской телефонистки.

— А кто же не знает нашего знаменитого земляка? — ответила вопросом на вопрос телефонистка. — Даю квартиру Головатой.

Дочь Ферапонта Петровича, студентка Саратовского университета, не обрадовала нас:

— Отец еще вчера выехал обратно на хутор. Позвоните попозже, — он к тому времени доберется в колхоз.

Через час — новый звонок. Наконец-то у телефона Герой Социалистического Труда Ферапонт Петрович Головатый.

Москва. Здравствуйте, Ферапонт Петрович! Просим рассказать, как встречаете Первое мая?

Хутор Степной. Здравствуйте! Праздник встречаем началом посевных работ. Весна у нас ныне запоздала. Народ рвется в поле. Прошлой осенью мы снимали по 180—190 пудов хлеба с гектара. В нынешнем году надеемся снять больше, чем по 200 пудов.

Сегодня, как всегда в канун мая, жду телеграмму от моего воздушного «крестника» — летчика Бориса Еремина. В 1944 году в этот же день я телеграфировал ему, что купил для него второй истребитель вместо вышедшего из строя самолета, который был первым моим подарком «крестнику» в декабре 1942 года.

Перед Первым мая 1945 года Еремин телеграфировал мне, что точно выполнил мой наказ, приземлившись на берлинском аэродроме. С тех пор и установлен у нас обычай обмениваться предмайскими телеграммами. Вот и нынче — какой-то вестью обрадует.

Москва. Не ожидаете ли вы к Первому мая Еремина в гости?

Хутор Степной. Нечего говорить, как были бы рады! Но далеко он теперь от нас. А если и прилетел бы, не узнать ему нашего хутора с воздуха. Увидит каменные дома — и мимо. У нас, ведь, когда он прилетал в войну, в колхозе только деревянные избы стояли. А с того времени выстроили мы свой кирпичный завод и из кирпичей сложили жилые дома, маслодельный завод, гараж, мастерские, овощехранилище. Новую мельницу построили. Ночью прилетит — тоже может обмануться: теперь весь наш хутор в огнях—свою электростанцию выстроили.

Москва. Спасибо за беседу, Ферапонт Петрович. До свидания.

Хутор Степной. До свидания! Передайте через вашу газету наш колхозный первомайский привет москвичам и всей стране.

Ванда ВАСИЛЕВСКАЯ

Мир движется вперед!

Когда-то, века назад, одинокий человек стоял перед судьями, и пламя костра инквизиции отражалось в его глазах,—костра, готового поглотить его. Черные рясы судей впитали весь мрак средневековья, и фанатизм мракобесия искривил их лица. Они знали, — и это было окаменевшее, косное знание сотен и тысяч лет,— что земля неподвижно покоится в пространстве. Из мчащегося по звездным путям, вращающегося шара они раз навсегда сделали застывшую в своей неподвижности плоскость, и это был их священнейший символ веры.

Одинокий человек в дерзании своего испытующего разума осмелился утверждать, что земля не является неподвижным камнем. Вопреки толстым фолиантам средневековых мудрецов, вопреки авторитету библии, наперекор горящему костру, одинокий человек, Галилео Галилей, еще раз швырнул в лицо судьям свой символ веры:

— И все-таки она вертится!..

Погасли костры инквизиции. Покрылись пылью ученые книги средневековья. А слова Галилея, познавшего истину, сохранили всю свою силу правды, и сейчас любой ребенок на земном шаре знает, что этот шар движется, плывет в пространстве крохотная частица гигантской вселенной.

Сейчас, когда до нас доносится беспорядочный хор обезумевших от ненависти голосов, невольно вспоминаются этот суд, это окостеневшее упорство и тщетные усилия умирающего мира противопоставить истине и движению вперед ложь и окаменелость изживших себя верований и форм.

Земля движется. И человек на этой земле идет вперед. И жизнь на земле идет вперед, к новым свободным дням мира.

Одиннадцать лет назад захлебнулся в крови мужественный испанский народ. Силой оружия реакции всего мира, силой золота реакции всего мира было задушено право на жизнь и свободу на Пиренейском полуострове. И с торжествующим воем было об'явлено, что в Испании воцарился «порядок».

Одиннадцать лет прошло с тех пор, но не покорен испанский народ! По сей день гремят выстрелы в горах Астурии. В течение одиннадцати лет не удалось ни расстрелами, ни каменными плитами тюрем заглушить голос испанского революционера. В лесах и недоступных ярах скрывается все эти годы испанский партизан, зная, что его час придет. Ибо земля движется, ибо мир идет вперед.

Вот уже два года сыплются на Грецию бомбы с самолетов, принадлежащих иностранным правительствам. Офицера греческой реакции инструктирует американский офицер. В Грецию плывет золото и оружие из-за дальних морей. Войсками греческих монархо-фашистов командует заграничный, заморский командир.

На маленькую горную страну обрушились мировые державы. Колоссы вышли на борьбу с маленькой страной. Казалось, в несколько дней они поставят на колени греческий народ.

Но вот, два года спустя, три четверти территории Греции находится под контролем греческих патриотов, солдат свободы. Сильнее долларов и фунтов, сильнее американских самолетов и разнообразной техники уничтожения оказалось стремление к свободе, несокрушимая воля итти вперед, к счастью человечества.

Больше двадцати лет продолжается борьба в Китае. Когда китайский бедняк, рабкули, угнетаемый отечественными и иноземными эксплоататорами, пожелал жить человеческой жизнью, ему об'явили смертельную борьбу отечественные и чужеземные собственники. Они хотели, чтобы в «желтом государстве» все было попрежнему — так, как тянулось тысячелетиями.

Однако воли и стремлений китайского народа не сломили ни каста отечественных угнетателей, ни заморские господа, спокойно наблюдающие, как гибнут от нищеты люди в их родных странах, и никогда не жалеющие золота и оружия, чтобы заковать в цепи, чтобы превратить в своих слуг и рабов народы.

Китайский народ борется. Китайский народ идет вперед. Китайский народ побеждает.

Ибо земля движется, и перед ней один путь — вперед, к лучшему будущему, к истине, свободе.

Сейчас много говорится о железном занавесе. О железном занавесе, которым мы, якобы, отгородились от остального мира.

Этот железный занавес существует лишь в горячечной фантазии лжецов и поджигателей войны.

В действительности есть, уже долгие годы реально существует иной железный занавес, занавес, выкованный из клеветы и лжи. Долгие годы реакционеры пытались опустить его между нами и трудящимися мира. Десятилетиями они тщательно преграждали этим занавесом все пути, пытаясь не допустить до слуха трудящихся мира ни одной вести о том, что у нас делается. Они хотели, чтобы к ним не доносилось эхо с полей, где работают колхозники, стук машин с советских заводов, веселый шум из школьных зал, где учится наша молодежь, и радостный смех из детских садов, где играют наши дети.

Липкой черной струей лилась река лжи, — в книгах, газетах, на собраниях, в театрах и кино отравляли души трудящихся. Инквизиторы публично обвиняли нас во всех преступлениях, но в глубине души ненавидели нас лишь за одно: за то, что мы доказали, что земля вертится, что мир идет вперед, что перед человечеством лежит не глухой тупик, а прекрасная, широкая дорога ввысь, по которой мы идем уже тридцать лет.

Этот железный занавес не выдержал ударов истории. Его сорвал солдат Советской Армии. Через границы, переставшие существовать, он, советский солдат, понес в мир свидетельство о великой правде. Он понес весть об отечестве трудящегося человека, о стране социализма. Он показал миру мужество советского человека, его прекрасную душу, его великий ум, его безграничную верность и преданность, его бескорыстие, самоотверженность, уважение к людям и народам.

И до глубины души ужаснулся суд черных инквизиторов. Ужаснулся больше, чем тогда, в 1917 году, когда он еще обманывал себя надеждами, что Советский Союз не выдержит, не устоит, рухнет.

Все эти расчеты были зачеркнуты. Гитлеризм пал, побежденный рукой, сердцем и мозгом советского человека. Советский Союз вышел из войны победителем, освободителем народов. Он вышел из войны сильный и сплоченный, и не успели еще отгреметь орудия, как снова взялся за работу, за строительство, победным маршем двинулся вперед по пути к коммунизму.

И тут все темные силы мира снова принялись усердно чинить разорванный занавес. Снова полились потоки лжи, вспыхнули огни ненависти.

Ибо стражам окостеневших форм, жрецам умерших верований трудно, невозможно примириться с тем, что в одной шестой части мира трудящийся человек живет свободным, что там правит народ и человеческая жизнь движется вперед мощно, неудержимо.

Сейчас роль темных сил, их положение труднее, чем когда бы то ни было. И именно потому, что существует эта шестая часть мира. Ибо мир неудержимо идет вперед по пути прогресса.

Они протягивали хищные лапы к странам новой демократии. Они во что бы то ни стало хотели спасти землю для польских помещиков, шахты — для румынских миллионеров, заводы — для капиталистов Чехословакии.

Не вышло. Не могло выйти. Ибо мир неудержимо идет вперед.

Итальянскому народу бросали бревна под ноги. С лицемерными воплями о демократии угрожали атомными бомбами городам, которые отдадут большинство голосов коммунистам. С криком о демократии и свободном волеиз'явлении, мешками золота подкупали слабых и продажных, поднимали с постелей умирающих, пользовались услугами агентов в рясах. Сообщение итальянского министра внутренних дел о том, что порядок во время выборов охраняют 400 тысяч солдат и полицейских, достаточно красноречиво говорит о том, как происходили выборы в Италии. Демократия среди скрежета танков, патрулирующих по улицам, свободное волеиз'явление под тенью атомной бомбы, честность, брацающая иностранным золотом, — вот методы инквизиторов, стремящихся сжечь на костре все, что движется вперед.

Свыше восьми миллионов голосовавших, однако, не испугались бомб, танков и вооруженной полиции, не позволили соблазнить себя блеском долларов. Эти восемь миллионов — люди действия, люди твердых убеждений, люди будущего.

Нужно сказать, что после многих лет власти Муссолини, когда погибли в борьбе лучшие, когда в людях вытравляли малейшие поползновения к протесту, когда Италия утопала в крови рабочих, после тяжких перипетий войны итальянский народ перед лицом предвыборного террора и нажима достаточно ясно высказал свою волю и свои взгляды. Итальянский народ также идет вперед, и его не задушит ни отечественное, ни иностранное насилие, ибо его вера и его стремления соответствуют законам жизни, законам вселенной, которая движется, движется вперед. «Это только доказывает, что уроки жизни не проходят даром. Значит, земля не только вертится, но можно сказать, что она не зря вертится и что она имеет свой путь вперед, к своему лучшему будущему» — пусть вдумается мировая реакция в эти прекрасные слова товарища Молотова.

Казалось бы, что кампания, столько лет проводящаяся за океаном, все разрастаясь, вытравит там из человека все, что мы привыкли называть именем человечности.

Когда мы перелистываем книжки, которыми питает Америка свою молодежь, когда мы смотрим фильмы, на которых эта молодежь воспитывается, когда мы проглядываем газеты, которые ей дают читать,— нас невольно охватывает страх: что может выйти из такой молодежи?

Но когда профессора Паркера из Эвансвилльского колледжа в штате Индиана лишили профессуры за то, что он председательствовал на митинге поддержки Уоллеса, — в защиту Паркера демонстрировало 800 студентов колледжа.

При дополнительных выборах в палату представителей от 24-го округа Нью-Йорка представитель американской рабочей партии без труда победил кандидатов демократической, республиканской и либеральной партий. В комитетах поддержки Уоллеса совместно работают рабочий и интеллигент; в стране, где линчуют негров, где существует отдельный трамвай для черных, сторонники Уоллеса заседают в одном комитете с негром.

Мир банкирских улиц, мир богатства, привилегированных семей, линчевания негров, бульварной прессы и безнаказанных гангстеров поколеблен. Его подкапывает, взрывает, против него выступает свободный человек, который не признает власти золота, не признает расовых предрассудков, не пылает жаждой войны и не считает советского колхозника или советского ученого своим врагом.

В первый день мая, день, когда трудящиеся всего мира отмечают свой праздник, свободный человек становится против темных сил, поджигающих инквизиторские костры, и громким голосом говорит:

— Мир не пребывает в неподвижности. Мир идет вперед. Вперед, ввысь, к свободе, к счастью. Сквозь бои и труды, сквозь муки и усилия идет свободный, борющийся за свободу человек. И дойдет. Ибо таков высший закон жизни, закон вселенной, закон истории, которая, как река, течет в одном направлении.

Плакат худ. В. КОРЕЦКОГО.

Андрей МАЛЫШКО

ПЕРВОМАЙ

Все румяней, все ярче небес пламенеющий край,
По колхозному полю идет молодой Первомай.
Загорелый, обветренный, как тракторист, чернобров,
Весь в сияющей сини, в зеленых знаменах дубров.
Видишь, лента Днепра на широких трепещет плечах.
Блещут заводи Волги у юноши в ясных очах.
Мариупольской домны и домны уральской огонь
Светлобронзовым жаром ложится ему на ладонь.
Запост, — соловьи заливаются в лад, и звучат
Из окна комсомольского клуба напевы девчат.
И лелеет земля в глубине золотой урожай.
— С добрым утром, товарищ! Как имя твое?
— Первомай!
Он садится на трактор, и в землю врезается плуг,
И по струнке идет, так, что поле дымится вокруг.
Звеньевые довольны: — Взгляните, каков молодец!
Работяга, красавец, должно быть отважный боец!
А ему — по земле бесконечной далеко итти.
На мосты на днепровские нужно взглянуть по пути.
На Крещатике в Киеве густо сажать деревца,
На завод «Большевик» завернуть бы—там ждут молодца,
Ждет его с нетерпеньем родная сестра Беларусь.
Ждут его ленинградцы, — попробуй, скажи, — не явлюсь!
Для него лесорубы сплетают из дуба венки.
Носят имя его наилучшие в Туле станки.
Мчится в поезде он — и гудят паровозы в ночах.
Он на домны глядит — отражается пламя в очах.
Он стоит у Кремля, под стеной поседелой, как дым.
И знамена бессмертные ветер колышет над ним.
Я прошу его в гости ко мне завернуть хоть на миг.
Мы, обнявшись, как братья, пойдем по стране напрямик —
Видеть землю советскую в грозах, в дерзаньях живых,
Слушать пение птиц, голоса молодых звеньевых.
Слову дружбы внимать, и беречь, и растить урожай,
И Отчизну любить — свой бессмертный, сияющий край.

Перевела с украинского В. ПОТАПОВА.

Анатолий СОФРОНОВ

Хозяин государства

В нынешние предмайские дни мне вспоминается далекая весна. Донская степь еще в сизом мареве. На окраине города Ростова, за рощами, окаймляющими рабочие поселки, появились люди с теодолитами, в степи были разбиты брезентовые палатки и деревянные, сколоченные из сосновых досок, мастерские. Загрохотали экскаваторы. Появились первые котлованы, первые стены. Пришли бетонщики, землекопы, каменщики, слесари, котельщики. Строился Ростовский завод сельскохозяйственных машин.

Поколение, не успевшее пройти школу гражданской войны, здесь, на лесах первой пятилетки, проходило свои «университеты», получало общее, политическое и гуманитарное образование.

Уже в весну тридцатого года, когда под крыши нескольких цехов были привезены станки, ударные бригады на строительстве Ростсельмаша отмечали к майским дням свою первую годовщину.

Что нам принесло социалистическое соревнование, ударничество, как тогда говорилось?

Мы, восемнадцатилетние и двадцатилетние юнцы, почувствовали на себе ответственность не только за конкретно порученное дело, но и за весь завод, за каждый его участок. Монтируя цехи, мы, может, тогда и недостаточно четко представляли значение своего цеха в общем строю промышленности, но это был наш цех, мы уже чувствовали себя в нем хозяевами!

Это испытали тысячи моих сверстников — поколение, сформировавшееся в тридцатые годы.

С тех пор прошло восемнадцать лет. Завод Ростсельмаш дал нашей стране десятки тысяч комбайнов, сноповязалок, плугов, сеялок. Немцы за короткий срок оккупации разрушили завод.

Сейчас Ростсельмаш почти полностью восстановлен. Не так давно мне пришлось быть в том самом цехе, в котором я работал в тридцатые годы. Он был восстановлен заново, но так точно, что заметить перемену было почти невозможно. Я встретил старых друзей по комсомольским годам. Вдоль огромного цеха медленно двигался конвейер, на котором стояли еще не окрашенные комбайны. Я подошел к комбайну. Мне хотелось посмотреть, так ли и на том ли самом месте стоит вал барабана, который я некогда фрезеровал, сменив профессию слесаря на фрезеровщика. Вал стоял на том же месте. Но около комбайна я услышал разговор, который привлек мое внимание. Разговаривали двое сборщиков. Я прислушался. Старший выговаривал младшему.

— Разве так затягивают... Этак все к черту полетит... Да нет, ты посмотри, ты не отворачивайся, — сборщик тянет своего собеседника куда-то внутрь машины.— Придет на Алтай, да вдруг герою какому попадет твоя работа, а герой скажет: «Эх, ростсельмашевцы, работнички». Мы перед Алтаем отвечаем, понимаешь?

— Да, понимаю,—отвечал ему молодой парнишка в закопченной спецовке, видимо, из демобилизованных: из-под его спецовки видна была такая же замасленная гимнастерка. Ему стало стыдно, и он полез внутрь молотилки, гремя гаечным ключом.

Этот случайно услышанный разговор глубоко запал в мою память. Он снова возник уже совсем недавно, когда, будучи в Ленинграде, я услышал, как партийный работник, советуя писателям поехать на один из ленинградских заводов, говорил:

— Вы понимаете, что значит сейчас социалистическое соревнование? Стахановцы этого завода отвечают перед Днепростроем, и оттого, что они знают, для кого работают, они особенно ответственно относятся к каждому агрегату.

Да, это уже новое качество социалистического соревнования, выражение коммунистического сознания, и опять-таки оно вырастает в труде.

Сейчас уже каждый стахановец стоит на государственной вышке. Он хозяин не только своего станка или цеха, он—хозяин государства. Всего государства! Вот какой путь прошло социалистическое соревнование, как изменилось сознание советского человека, работника, труженика.

Наш взор, наше сознание всегда обращены вперед. Мы все в одном ряду—рабочие, крестьяне, интеллигенты — коммунисты и беспартийные приоткрываем завесу в завтрашний день. Мы видим этот день, он будет прекрасен и полнокровен. День коммунизма, подготовляемый ежедневным нашим трудом, подвигом советского народа.

Юрий НАГИБИН

В предмайскую ночь

В Донском каменноугольном тресте только что состоялся торжественный выпуск школы горных мастеров.

Молодые стахановцы-забойщики подошли вплотную к овладению инженерской профессией. После шестимесячной учебы они возвращаются в забои и лавы хозяевами целых участков. Старосту учебной группы Леонтия Борискина выдвигают даже на должность начальника шахты.

Леонтий Борискин — один из самых прославленных людей Подмосковного угольного бассейна, зачинатель многозабойного метода.

Ночными улицами шахтерского поселка мы идем с Борискиным к его дому, стоящему близ околицы. Он молчит, и мне понятно это молчание человека, перед которым только что открылся мир новых, больших возможностей.

Луна вышла из-за терриконника, высветив зеленоватым серебром его конусообразную вершину.

Слева, где виднеются по-ночному грузные массивы домов и заводов Сталиногорска, недвижно висит в воздухе огромное облако света. Это Сталиногорская ГРЭС световой шапкой покрывает индустриальный центр, созданный пятилетками.

Мы подходим к дому и садимся на перила террасы. За ставнями дома — темень и сон. Из-под навеса в глубине двора матово отражают свет луны фары «москвича». Тихонько погромыхивает цепью молодая овчарка.

— Да, — говорит Борискин, видимо, отвечая на свою мысль. — Теперь я должен написать Катерине Стойчевой...— и на мой молчаливый вопрос он поясняет: — Это старая болгарская женщина...

Он снова замолкает, и я не прерываю молчания. Я стал для него уже не случайным газетным корреспондентом, а тем ночным спутником, которому человек с переполненным сердцем может открыться, как близкому другу.

И, действительно, Борискин заговаривает:

— Вы знаете, что год назад я был в Болгарии?

— Доводилось читать об этом в газетах...

Я вижу, как в темноте сверкнула его улыбка.

— В такой день, как сегодняшний, хочется говорить и думать о хорошем, а это было хорошее дело в моей жизни.

И он рассказывает мне историю своей дружбы с болгарскими шахтерами.

В тридцати километрах от Софии, в долине, окруженной курчавыми горами, лежит старинный болгарский городок Перник. Когда глядишь на долину Перника с самолета, она представляется шахматной доской с зелеными и черными квадратами — между островками зелени чернеют устья шахт и обнажения неглубоко залегающих угольных пластов. Свыше шестидесяти лет велась здесь добыча каменного угля. Из года в год с окрестных холмов и близлежащих селений по утреннему часу тянулись к шахтам толпы угрюмых людей в залатанных костюмах домотканного полотна, в резиновых цнигах, через плечо — сумка с провизией.

Владельцы шахт не были заинтересованы ни в новой технике, ни в создании человеческих условий труда. Угля в Пернике было много, рабочая сила стоила гроши.

В освобожденной Болгарии угольная промышленность была национализирована, человек с обушком в жилистых руках стал хозяином недр своей земли.

Год тому назад по приглашению болгарского правительства и профсоюзов в Софию вылетела делегация советских горняков.

К этому времени шахтеры Болгарии уже добились первых крупных успехов. Молодой Александр Стоилков поднял знамя ударничества, выдав за смену на-гора две нормы.

Его примеру последовало множество молодых шахтеров Перника. Но их скромные достижения все же не решали исхода борьбы за уголь.

Когда Борискин и его товарищи впервые спустились в шахту, они были неприятно поражены. Под землей советских мастеров ожидала картина, знакомая им лишь по рассказам старых шахтеров. В лавах и забоях не было ни врубовых машин, ни даже отбойных молотков, ни электросверл. Вся работа велась вручную, шпуры делались буравом, похожим на штопор, оббивался уголь простым обушком.

— Хочется снять шапку перед Стоилковым и другими ребятами, — сказал донецкий горняк Панасенко, когда советские шахтеры поднялись наверх. — В таких условиях — и две нормы!

После этого осмотра Борискин едва мог дождаться того дня, когда, обрядившись в шахтерскую одежду, он спустился в шахту уже не наблюдателем, а тружеником. Очень хотелось помочь болгарским ребятам, чей труд был настоящим подвигом. Он вооружился простым обушком: надо было показать болгарским шахтерам, как можно работать и при наличной технике.

Шахтеры Перника в этот день спорили между собой, стараясь угадать, что сумеет сделать в болгарской шахте русский шахтер.

— Вы увидите, он даст пятьсот процентов!

— Эй, куда хватил, Христо! Ну, двести-триста, куда ни шло, но пятьсот!

Когда смена кончилась и на доске показателей появилась цифра, ошеломившая всех: 1500 процентов, пятнадцать дневных норм, — Борискина встретили овацией. Шахтеры аплодировали, тянулись к нему, чтобы пощупать его мускулы; иные, видевшие его только по портрету, удивлялись, что он не гигант, а человек обычного сложения и силы. Борискин, смущенно улыбаясь и дуя на ладони, как бы оправдываясь, говорил:

— Отвык от обушка... вот руки содрал. Можно и больше дать... — но его уже подхватили на руки и понесли к самодельной трибуне.

Борискин понял: болгары ждут, чтобы он им рассказал о том, что же такое стахановское движение. Теперь они уже сами ощущали внутренний смысл того, что значит быть стахановцем.

Борискин говорил о разделении труда шахтеров, о том, что в Советском Союзе забойщик только рубает уголь, а пробуравку шпуров и подпалку пласта производят другие рабочие. Он говорил о том, что подготовку рабочего места в советских шахтах делает одна смена для другой—забойщик, придя в забой, начинает рубать уголь, не теряя ни одной лишней минуты. Затем он ознакомил шахтеров с многозабойным методом, позволяющим забойщику максимально использовать свою рабочую смену.

Это была первая лекция из многих, что Борискин прочитал в Пернике. Опыт советского шахтера начал быстро распространяться. Болгарская печать, в частности, орган горняков «Рудничар», посвятила несколько статей его методу, чтобы и шахтеры отдаленных рудников могли использовать опыт советского человека. Борискин рубал уголь бок о бок с болгарами, он показывал им, как работать развернутым фронтом в лаве, как организовать смену, как, простукивая уголь, определить строение пласта, чтобы легче было брать.

Перник превратился в школу стахановского труда.

Советские шахтеры пробыли в Болгарии около двух месяцев и видели первые плоды, которые принес их труд. Молодые болгары Дмитрий Стойнов, Сима Димитров, Александр Русанов в шахте «Попов дол» стали выполнять нормы на 1150—1300 процентов, горняки Велихов и Христов приблизились к 2000 процентов, а Любен Стаменов и Петр Адонов достигли двадцати пяти норм за смену. По всему Пернику распространилось соревнование, забойщик соревновался с забойщиком, бригада с бригадой, шахта с шахтой. Ежедневно газеты оповещали болгарский народ о новых достижениях шахтеров Перника, работающих по методу Леонтия Борискина. Помещая очередную корреспонденцию, газета «Рудничар» насмешливо спрашивала: «Господин Никола Петков!.. На какво се надявате още???» На что еще надеетесь? Так стахановское движение становилось оружием общественной и политической борьбы демократической Болгарии против внутренних врагов.

Незадолго перед от'ездом на родину Борискин выступил на митинге в летнем саду Перника. Он говорил о жизни трудящихся советской страны, о творческом начале, сопутствующем их труду, о правах и обязанностях советских граждан. Борискин стоял на возвышении, а перед ним колыхалось море черных, как уголь, голов. Тысячи глаз с любовью были устремлены на молодого шахтера. Весь Перник слушал рассказ о стране, чье имя однозвучно со словом свобода.

— Когда я сошел с трибуны и стоял под деревом в толпе болгар, пожимая им всем руки, ко мне подошла старая женщина.

— Катерина Стойчева, — назвала она себя, глядя мне в лицо.—Мой муж погиб пятнадцать лет назад при обвале шахты, мой старший сын расстрелян немцами, второй погиб в партизанах, последнему моему сыну Христо пятнадцать лет, он теперь единственный у меня. Я, как облетевшее дерево, на котором уцелел один только лист. Я хочу, чтоб ты повторил мне, матери, то, что ты говорил всему народу.

Я понял, что жизнь сделала ее недоверчивой. Я повторил ей то, что говорил о праве наших людей на труд и образование, о путях, открытых моим соотечественникам.

Она слушала внимательно, наклонив голову и чуть шевеля губами.

— У меня остался только один сын,— произнесла она, когда я замолк.—Я хочу, чтоб ему досталось в жизни все хорошее, чего не имели его отец и братья. Я хочу ему большой судьбы, большого счастья. Вот ты хорошо рубишь уголь, тебе служат не только руки, но и голова. А скажи, мог бы ты, простой рабочий, стать инженером? Стать начальником?

В ответ я рассказал ей о Семиволосе, Ильине, Кривоносе и других простых советских людях, достигших больших высот.

— Я их не знаю,—вздохнула мать.— Но я верю тебе. Я верю, что и мой Христо станет большим человеком. Ты много сделал для нас, пусть бог дарует тебе счастье. И сохрани хоть маленькую память о матери, которая тебя благословляет.

— Это счастье в моих руках, мать,— ответил я. — Свободные люди — хозяева своего счастья.

Борискин на секунду замолк.

— Дальше вы сами знаете, что было. Я вернулся на родину, и очень скоро учитель превратился в ученика. А сейчас начало сбываться то, о чем мы говорили с Катериной Стойчевой. И мне хочется написать ей... — Борискин улыбнулся.— Конечно, не для того, чтобы похвастать: мол, вон куда шагнул... нет! Но ведь они видят в нашей судьбе свою судьбу: что достигнуто нами сегодня, будет завтра достигнуто ими. У нас никого не удивляет, когда простой деревенский парень становится инженером, директором, но для Катерины Стойчевой в этом—залог большой судьбы ее сына. Вы даже не представляете, как внимательно и любовно следят они за нашей жизнью. Недавно пришло письмо от одной болгарской девушки: «Наша мечта егда отидем на специализация в СССР»,—это голос всей болгарской молодежи. Замечательные ребята. У них наша хватка. Сейчас они строят город Димитровград вроде нашего Сталиногорска, где будет химкомбинат, и электростанция, и большие светлые дома для горняков, школы, клубы. Ну, прямо, как наш Сталиногорск, — повторил Борискин и даже поглядел в ту сторону, где электрическое зарево озаряло небо.

Всегда, встречая Первомай, мы были сердцем с нашими друзьями за рубежом. Теперь наша дружба подкреплена новыми великими делами. Наши люди горды тем, что они несут трудящимся освобожденных стран опыт своего труда, опыт борьбы за большое человеческое счастье.

БЛАГОРОДНАЯ МИССИЯ СЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Павло ТЫЧИНА

Незадачливые политики с Уолл-стрит потрясают оружием и, чтобы замаскировать свои империалистические замыслы, чтобы обмануть народ, пугают истосковавшийся по спокойной жизни мир выдуманной ими «коммунистической агрессией». В криках и воплях о «происках коммунистов» — животный страх перед растущей силой демократии и социализма, перед достижениями советской страны, самоотверженно и успешно залечивающей раны войны, страх перед ростом и укреплением стран новой демократии.

Да, господа капиталисты, плохое у вас сегодня настроение. И не надейтесь, что оно переменится к лучшему. Экономический кризис уже стучится в ваши двери, это во-первых. А во-вторых, нелегко, наверно, вам, бедным, сознавать, что мы здесь, в Советском Союзе, гордимся и радуемся все новым и новым победам нашего мирного созидательного труда, радуемся трудовой весне своей — весне всепобеждающей.

Мы радуемся, что целые области нашей страны уже завершили сев ранних культур. Мы радуемся успехам донбасских врубмашинистов Крутоуса и Федорчука, Орешкина и Очепиры. Мы с неослабевающим вниманием следим за соревнованием шахтеров-забойщиков Тюренкова и Сыроедова. Метод Тюренкова, являющийся новой системой коллективной стахановской работы, горячо обсуждают горняки и ученые страны.

Если говорят «дружная весна» о природе, то сейчас понятие «дружная весна» относится прежде всего к людям.

Ощущение счастья, слияние труда с наукой, повсеместное рождение героизма — вот отличительные черты полнокровной жизни нашей советской. В то время как в странах капитализма гибнут тысячи людей, будучи заброшенными, поруганными, забытыми, — в нашей жизни каждый трудящийся имеет неограниченные возможности для выявления своих способностей, для своего возвышения и роста.

«Здесь трудовой человек, — говорит товарищ Сталин, — не может чувствовать себя заброшенным и одиноким. Наоборот, трудовой человек чувствует себя у нас свободным гражданином своей страны, своего рода общественным деятелем. И если он работает хорошо и дает обществу то, что может дать, — он герой труда, он овеян славой».

О том, как проложить путь к счастью, не один писал философ. Но ни один из них не смог разрешить этот вопрос. Григорий Сковорода, например, когда-то вопрошал:

Щастя, де ти живеш?
Горлиці, скажіте.
Чи в полі вівці пасеш?
Голуби, вознестите.

Как же мог голубь или горлица принести ответ Сковороде, когда он сам утверждал, что счастье заключается только в познании самого себя!

Частная собственность в дореволюционной России оказывала, как и сейчас в капиталистических странах оказывает, отупляющее воздействие на сознание крестьянина, делала его жизнь замкнутой, темной, варварски эгоистичной. Невыносимо тяжелым и горьким был труд крестьянина.

Совсем иной жизнью живет ныне советское колхозное крестьянство, ибо общественный труд в колхозах стал источником зажиточности и культурности.

Сочетать свои личные интересы с интересами всего народа, отдать свои силы партии Ленина — Сталина, Родине нашей, советскому государству, — вот в чем заключается полное счастье советского человека.

Нехай видзвонюе гілля,
Нехай дощі спадають часті.
Нехай зволожена земля
Радянським людям родить щастя!..
І тракториста бригадир
Обняв, як перед боем друга,
І борозна — півметра вшир —
Крилом ударила зпід плуга.

(Василь ШВЕЦЬ).

Многие передовые колхозники и колхозницы советской страны удостоены высоких правительственных наград. Только у нас на Украине более чем 200 лучшим мастерам колхозных и совхозных полей присвоено звание Героя Социалистического Труда, тысячи передовиков сельского хозяйства награждены орденами и медалями.

Но задачи и фронт нашего движения вперед непрерывно расширяются. То, что вчера сделали отдельные передовики, — сегодня надо повторить на полях целых колхозов, районов, областей. Какую захватывающую перспективу использования могучих резервов и возможностей колхозного строя на Украине открывают решения XVIII Пленума ЦК КП(б)У и последовавшие за ними письма Совета Министров УССР и ЦК КП(б)У, обращенные к трактористам и трактористкам, к колхозникам и колхозницам, полеводам и животноводам, к специалистам сельского хозяйства!

Как велика и благородна роль сельской интеллигенции в борьбе за дальнейшее укрепление колхозного строя! И, прежде всего, как велика она в борьбе за высокий урожай нынешнего года, за всемерное развитие общественного животноводства, за обилие всех сельскохозяйственных продуктов! Сельская интеллигенция глубоко сознает свое место во всенародном походе за урожай.

Наш святой долг — вместе со всем народом бороться за выполнение пятилетки в четыре года! — вот что стало подлинным девизом, делом чести сельского интеллигента. И каждый день показывает нам яркие примеры воплощения этого лозунга в жизнь.

В селе Головковском, Александрийского района, Кировоградской области, учителя и агрономы создали колхозный лекторий.

В Котовском районе, Одесской области, сельские интеллигенты за два последних месяца прочитали колхозникам 126 лекций.

Об огромной тяге тружеников колхозного села к знаниям, к культуре, о неизмеримо расширившемся кругозоре наших людей свидетельствует многочисленная аудитория, с большим и напряженным вниманием слушавшая лекцию по вопросам философии, прочитанную недавно кандидатом философских наук тов. Степаняном в колхозе «Червона Україна» села Гоголево на Киевщине.

А вот еще несколько примеров, словно ярким светом озаряющих великие возможности нашей сельской интеллигенции.

Заведующий школой Долыняны, Городокского района на Львовщине, Иван Тимофеевич Зимницкий создал сельский агитколлектив в составе 20 человек. Агитаторы, руководимые тов. Зимницким, неутомимо работают среди колхозников и крестьян-единоличников, используя все формы агитации и пропаганды — беседы и собрания, лекции и доклады, художественную самодеятельность и литературу. Только за последнее время агитаторы провели десятки бесед с крестьянами о преимуществах колхозного строя, о задачах проведения весеннего сева. Передо мной лежит номер «Львовской правды», где напечатан «План работы агитколлектива села Долыняны на время проведения весеннего сева». Все предусмотрено в этом плане: и расстановка агитаторов, и темы бесед, и массово-политические мероприятия, и участие агитколлектива в культурно-просветительной работе и, наконец, занятия и инструктивные беседы с агитаторами. Этот план замечателен своей продуманностью, политической целеустремленностью.

В селе Довжок, Ямпольского района, Винницкой области, есть клуб, которым сейчас руководит демобилизованный из армии гвардии лейтенант Петр Рогожа. Самое живое, деятельное участие в работе клуба принимает сельская интеллигенция — учителя, агрономы, работники лечпункта. Клуб становится подлинным средоточием культурной жизни села. В агротехническом кружке, который посещают не менее ста человек, читает лекции участковый агроном Подлесовской МТС тов. Кушнир. Хоровым кружком руководит учительница тов. Ворник. Драматический кружок, работающий под руководством тов. Гром, дает спектакли не только в Довжке, но и в окрестных селах.

Насколько клуб непременным условием входит в жизнь и быт колхозного села, можно видеть хотя бы на таком примере. Колхозники сельхозартели «Коминтерн», Довбышского района, Житомирской области, своими силами и средствами строят клуб, окончание которого они приурочили к празднику Первого мая.

Рост политической активности сельских учителей, агрономов, врачей является прямым результатом руководящей и воспитательной роли партии Ленина — Сталина в отношении интеллигенции. Сельская интеллигенция становится все более надежной опорой районных и колхозных парторганизаций в массово-политической и культурно-просветительной работе. И плоды этой работы часто волнуют нас своей значимостью, глубоким смыслом!

В селе Холодная Балка, Одесского района, из членов колхоза «Ударная пятилетка» создан драматический кружок. Один из очередных спектаклей — пьеса «Безталанна». Постановщик — 70-летний колхозник С. Витра. Художественное оформление — 75-летнего колхозника Д. Аранкевича. У обоих стариков неуемная молодая энергия. Оба горячо обсуждают постановку, волнуются, спорят, вовлекая в творческую дискуссию актеров-колхозников Кащенко, Беер, Михальченко и других.

Хотелось бы нам знать, найдется ли во всей Америке — и Северной и Южной — хоть одно село, где наблюдалось бы такое явление, полное глубочайшего смысла и значения! И может ли, наконец, в какой-либо капиталистической стране простая крестьянка обсуждать на страницах газеты проблемы культурной работы среди молодежи, как это делает звеньевая артели им. 1 мая села Писаревки, Винницкого района, Герой Социалистического Труда Нина Корсун в газете «Вінницька правда»!

Критикуя недостатки культурно-политической работы в своем селе, Нина Корсун пишет: «Сельская молодежь хочет идти в ногу с жизнью, учиться искусству земледелия, узнавать все новое в науке, литературе и искусстве... Мы умеем и любим трудиться. Но мы хотим культурно и весело проводить свой досуг».

Только в условиях социалистического государства, коллективного хозяйства, в условиях общественной собственности и растущей механизации так бурно развивается культура села, стираются грани между физическим и умственным трудом, исчезает противоположность между селом и городом. С каждым днем все больше и больше расширяется политический и умственный горизонт колхозника.

А между тем, не только села, но и города «преуспевающей» Америки коснеют в умственном убожестве, политическом невежестве, в вопиющих предрассудках.

Сельские учителя, врачи, агрономы, культработники несут в колхоз свои знания, опыт, культуру, помогают укреплять колхозное хозяйство, рационализировать труд, добиваться своевременного выполнения государственных обязательств.

Сельский интеллигент не может быть равнодушным созерцателем этой жизни. Если в колхозе нарушается Устав сельхозартели, если нет порядка в артельном хозяйстве, и колхоз и колхозники, а, следовательно, и советское государство терпят убытки, — то учитель, врач, агроном не могут, не должны молчать.

Если в колхозе не соблюдаются правила агротехники, нерационально организован труд, плохо используются машины, тягловая сила, если обязательства перед государством выполняются с опозданием, медленно, то учитель, врач, агроном не могут, не должны молчать.

Если труд и опыт передовых колхозников не распространяются широко, если в колхозе не соблюдают государственных сроков, не добиваются высокого качества работ, если некоторые колхозники нарушают трудовую дисциплину, не вырабатывают минимума трудодней, то учитель, врач, агроном не могут, не должны молчать.

Сельский интеллигент — это не просто культурник, это деятель большевистской культуры, это активный строитель новой жизни, слово и дело которого ощущается во всех уголках жизни современного села.

Сейчас сельская интеллигенция держит серьезное испытание. Она должна стоять в первых рядах борцов за высокий урожай. В этом — ее высокая и благородная миссия.

КИЕВ.

Семен КИРСАНОВ

Весенние стихи

Только что
дул февраль
в спину марта,
но узнав
разворот
птичьих стай, —
на флагшток
взвил апрель
флаг заката
и запел
у ворот
Первомай.

Острый плуг
провернул
чернозем.
А земля
и сыра,
и просторна.
Слышишь, друг,
долгий гул?
Это гром
сотрясает
отборные
зерна.

Борозда
в мирозданье
длиною, —
семена
в глубь земли
принимай!
Нарастай,
щебетанье
лесное,
обнимай
нашу жизнь,
Первомай!

Оглянись:
в солнце дом,
в брызгах день.
Птичий свист
горячей
и счастливей.
Окунись
в пруд лучей,
в свет и тень!
Первый лист.
Первый гром.
Первый ливень...

Завтра — труд:
поиск руд,
варка стали.
Нефть и газ.
Жаркий кокс.
Жирный торф.
Взрыв глубин!
Хор турбин...
Магистрали —
в сумрак тундр,
в серый Норд,
в гул ветров...

Синий зной,
наливай
крупный плод!
Расписной
небосвод
не нахмурен.
Ты — очки
надевай,
садовод,
ты — дички
прививай,
Май-Мичурин!

В добрый час,
Первомай,
праздник счастья!
Песней нас
подымай
и веди —
позизной
и весной
надышаться —
знаменосцем,
всегда
впереди!

Геннадий ГОР

ЗДРАВСТВУЙ, ДРУГ!

На восточном факультете Ленинградского государственного университета есть отделение, куда осенью с'езжаются студенты из самых далеких районов нашего Крайнего Севера — от Ямала до Чукотки.

Во время перерыва между двумя лекциями здесь можно услышать, как разговаривают люди двадцати пяти разных языков и наречий. На отделении учатся чукчи, эскимосы, эвенки, коряки, нанайцы, ненцы, ханты, манси и др.

У каждого студента этого отделения своя судьба и свой личный путь, но у всех у них есть общая черта — их путь и рост связан с небывалым в истории ростом культуры советского Севера. Каждый из них расскажет, как в тундре или в тайге была построена школа, как кочевые люди, чтобы не расставаться с детьми, ставили свои чумы поближе к школе, как люди переходили из темных урас в светлые дома, потому что нельзя расти, учиться, готовить уроки и читать газеты в дымном помещении, где нет дневного света.

В нашей обширной этнографической и исторической литературе еще нет книги, которая бы в яркой, талантливой и доступной широкому читателю форме рассказала о том чуде, которое произошло на нашем Севере за последние три десятилетия. Статьи и книги наших этнографов посвящены частным, узким вопросам и адресованы специалистам, а историки культуры до сих пор проходят мимо этой темы. А ведь книга о небывалом росте культуры народностей советского Севера прозвучала бы и как обвинительный акт против теоретиков бандитской «науки» о неравенстве рас.

За последние два десятилетия в Америке, Англии и Франции вышло немало книг о первобытном мышлении и первобытной культуре. Что ищут в Полинезии, Меланезии, в Центральной Африке буржуазные антропологи и историки первобытной культуры? Они ищут следы отсталости, косности, дикости, чтобы оправдать колониальное рабство и подвести теоретическую базу под разбой.

Зимою этого года Ленинградский государственный университет устроил большую выставку, посвященную тридцатилетию советской власти на Севере. Эта чудесная выставка рассказывает нам о торжестве сталинской национальной политики, о том, как строились на Севере школы, больницы, очаги культуры, как росли колхозы, как исчезало все старое, отсталое, косное.

Я разговаривал с молодым советским ученым М. Г. Воскобойниковым, недавно совершившим путь по тайге вместе с охотниками, промышлявшими белку. Вместо прошлого он везде находил ростки будущего. Вернувшись в Ленинград, он не очень обогатил коллекции этнографического музея, но зато сам обогатился опытом, знанием новой жизни.

Диапазон научных интересов студентов-северян чрезвычайно широк. Мне довелось присутствовать на докладе о колониальной политике империалистических стран. Доклад делала студентка-северянка. Она говорила об индейских резервациях, о том, как линчуют негров, приводила цифры, перечисляла факты. Но в голосе ее чувствовались негодование и тревога. Ей, этой девушке, привыкшей дышать чистым воздухом советской страны, было душно в мире фактов и дел, о которых она говорила.

Я уже упоминал, что юноши и девушки двадцати пяти разных наречий учатся на одном отделении, изучают историю культуры, этнографию, историю философии, иностранные языки. Каково советскому эскимосскому юноше — студенту или аспиранту открыть книгу и прочитать, что «ум взрослого эскимоса подобен уму трехлетнего американского ребенка»? А такая книга существует, она вышла в Америке, напечатана на английском языке, написана американским эскимосоведом.

А где-то там, откуда приехали наши студенты, идет по узкой тропе олень, к спине которого приторочена библиотечная полка. Книгу читают в рыболовецких колхозах, в пушных факториях, в культбазах, в тайге, в новых домах, пахнущих смолой и стружкой. Здесь читают книги на родном языке, книги, которые повествуют о человеческом достоинстве. Стихи советских поэтов, попадая сюда, становятся народной песней. К словам Александра Твардовского или Константина Симонова, переведенным на эвенкийский язык, эвенкийская женщина в зимние вечера, когда она сидит и шьет унты или выделывает сыромятную кожу, добавляет свои слова, не спрашивая разрешения у живущего в Москве автора. В тайге и в тундре существует свое авторское право. Каждый, кто раскроет книгу, газету или журнал, чувствует себя не только читателем, но и соучастником, соавтором всего того чудесного и достойного, что описывается на ее страницах.

Тем чудесна проза ненецкого прозаика Н. Вылки, что жизнь и фольклор сливаются в его книгах в одно целое, как сливаются в песне слова московского русского поэта и чувства эвенкийской женщины, подбирающей к этим словам свой национальный мотив.

До войны мне не раз доводилось побывать в художественных мастерских Института народов Севера. В просторном светлом помещении сидели юноши — ваятели и художники, резчики по кости, вчерашние оленьи пастухи и охотники. Там я познакомился с замечательным молодым мастером — художником народа манси К. Панковым, чьи панно украшали советский павильон Парижской выставки.

На картинах Панкова играло солнце и далеко простирались дальние горы и леса.

У ленинградского писателя Ивана Кратта, много писавшего о Севере, есть рассказ, который называется «Здравствуй, друг». В этом рассказе изображаются люди, на языке которых нет слова «прощай». Расставаясь даже надолго, северяне говорят друг другу: «Здравствуй!». Прощаясь с прошлым, они приветствуют будущее.

ЛЕНИНГРАД.

В знаменах наш родной Баку

Мехти ГУСЕЙН,
Мир ДЖАБАР,
Сулейман РУСТАМ

Мы знаем, сегодня будет солнце над Баку.

Кубово-синее море. Человеческие толпы. Улицы нашего прекрасного города озарились красными знаменами. Столица нефти похожа на нарядно убранную — в алых маках — невесту.

Под звуки радостной музыки мерно шагают колонны тех людей, которых мы у себя называем «нефть бехадирлари», богатыри нефти. Это знатные люди Сталинского, Ленинского, Орджоникидзевского, Азизбековского и других районов. Портреты знаменитых бурильщиков, перегонщиков нефти известны не только Апшеронскому полуострову, но и «второму Баку», нефтяникам Доссора и Маката, собратьям по труду далекого Сахалина.

Двадцать восемь лет, словно огонь, пылают знамена над Баку. Двадцать восемь лет праздник трудящихся всего мира совпадает с праздником возрождения нашего народа. 28 апреля в 1920 году была установлена советская власть в Азербайджане. В сознании нашего народа первомайский праздник — одновременно праздник нашего освобождения.

На торжественных собраниях эти праздники отмечаются вместе.

Чувство радости озаряет лица людей, идущих в колонне Сталинского района; этот район в былые времена назывался Баиловским. Еще задолго до Октября здесь неутомимо работал молодой Сталин. Отсюда он указал путь освобождения и счастья нашему народу. По этим улицам, плечом к плечу, тысячи бакинских рабочих — во главе с родным Сталиным — провожали в последний путь пламенного революционера, рабочего-азербайджанца Ханлара. Вечером, в темноте, из-за угла Ханлара убили наемные палачи, посланные охранкой; тысячи славных соратников провожали его тело к месту вечного успокоения. Здесь же, в Баиловском районе, за железной решеткой тюрьмы провел не один день своей молодости великий Сталин.

Вспоминаем прошлогоднюю первомайскую демонстрацию, когда мы шли в шеренге рабочих «Азнефтьмаша» и нефтяников. Здесь были люди именитые, прославленные своими работами и многим пережитым. Шел убеленный сединами буровой мастер Рамазан. Рамазан хорошо знал Иосифа Виссарионовича. Старый мастер шел правофланговым, его широкие плечи сутулились, но он попрежнему все так же высок и могуч. Обращаясь к соседям, он отрывисто говорил:

— Сыны мои! То, что я скажу вам, осталось только в памяти моих ровесников. Вы не знаете, как нам трудно жилось, чем мы жертвовали для того, чтобы в день Первого мая выйти на улицу под знаменами! В 1908 году вся Россия изнывала под пятой царя. Всюду, как и в Баку, была задавлена свобода. Представьте себе: на одном конце обвеянного морскими ветрами, еще не проснувшегося города мирно дремлют старинные деревянные вышки Биби-Эйбата, а на другом конце города тонут в палевой дымке раннего майского утра закопченные трубы нефтеперегонных заводов Черного города. И вдруг тишину оборвали мощные гудки заводов; их подхватили другие заводы; они пробудили железнодорожные мастерские, пароходные верфи, промысла — отовсюду неслись звуки, подобные набату.

Сталин в эти дни сидел за решеткой. Но он и из темницы руководил первомайской стачкой... Мы вышли на улицы. Нас было не менее 50 тысяч. В этот день гудки звали не на работу, а на протест против работодателей, против всего капиталистически-помещичьего строя, против петербургского падишаха. В городе и вечером не загорелось электричество; старинная конка стояла, лошади были выпряжены и уведены; пекари также шли под знаменами, — в этот день мы были сыты не хлебом, а душевным восторгом и верою в будущее.

Мы направились в Балаханы. Толпы рабочих собрались у горы Степана Разина...

Старик рассказывал о митинге, которому сегодня исполнится ровно сорок лет. Он вспоминал и другую бакинскую первомайскую стачку, бывшую еще ранее — в 1906 году.

...Звуки веселой танцовальной музыки заставили старика смолкнуть, он выше поднял знамя и откинул голову, втягивая ноздрями соленый воздух моря. На одном из перекрестков колонна остановилась. Из переулка с музыкой шла другая колонна с разноцветными флажками в руках.

Несколько зурначей в сопровождении одного барабанщика, чей барабан украшен разноцветными шелковыми лентами, предводительствовали этой веселой, юной, опьяненной маем толпой. Под упругими ударами барабанных палочек взлетали ленты.

В толпе, стоящей на тротуарах, раздавались мерные удары в ладони: разодетые парни и девушки плясали национальный воинственный танец «гайтаги». Пляшет и другая группа — краснощекие подростки, «ремесленники», будущие бойцы и командиры нефтяной промышленности, будущие «морские волки» наших промыслов.

Несколько колонн дошли до берега моря. Легкая дуга Приморского бульвара уже нежно расцвела майскими деревьями, и на газонах видны первые цветы. Все было залито нежно-голубым, но очень сильным светом южного неба, и в красных знаменах отражена небесная бирюза.

Кажется, к звукам зурны и барабанов прислушивались красавцы-корабли Каспийской военной флотилии. Пассажирские пароходы ушли в очередной рейс, а морские военные корабли, покинув свои дальние базы, вошли на рейд и бросили якоря. Они стояли у самого берега, словно салютуя городу, дающему горячую кровь всем моторам нашей необ'ятной Родины.

... И сегодня по праздничному городу вместе со всеми трудящимися Баку идут и писатели, композиторы, деятели всех родов искусства, работники высших и средних школ Азербайджана. И в день народной радости и счастья мы, писатели, вспоминаем, что у нас еще нет большого исторического романа о прошлом нашего народа, что нет еще страниц, где были бы воссозданы — во всей их красоте — и это море, и эти корабли, и многонациональный труд на бакинских промыслах.

Мы вспоминаем, что о расцвете Азербайджана страстно мечтали лучшие сыны азербайджанского народа — Азизбеков, Саттархан, Ханлар, Хиабани, павшие в борьбе за счастье народа, своей кровью окропившие подножье нашего счастья. О нем мечтал и великий демократ Пишавери, долгие годы томившийся в мрачных застенках деспотического Тегерана. Мы с гордостью вспоминаем имена этих героев нашего освобождения. Мы вспоминаем слова Пишавери:

— Весна с ее пленительным маем наступит и для всего азербайджанского народа. Никто еще никогда не мог свернуть в сторону ход истории.

Первого мая 1948 года ликует в знаменах родной город.

БАКУ.

Март РАУД

ДА, СТРОИТСЯ!

Широкий ветер мая несет дыхание весны. Он веет с немолчной Балтики. Он веет с озера Юлемисте.

Памятное озеро! Это у его песчаных берегов наймиты эстонской буржуазии пытали Виктора Кингисеппа — вождя трудового народа Эстонии. Они схватили его в майские дни 1922 года и здесь злодейски умертвили. Они воровски зарыли тело борца в открытом песчаном поле.

И будто свершилось чудо: изо дня в день, из ночи в ночь на бесплодном песке могилы появлялись новые и новые живые цветы. Это народ приносил их. Тогда, чтобы не дать народу чтить память его вождя, убийцы выкопали прах Кингисеппа, вывезли на лодке в открытое море и сбросили в воду.

Но они бессильны были убить революционную мысль в эстонском народе, волю его к борьбе.

Перед расстрелом в песках Юлемисте, в последнюю минуту, Кингисепп крикнул в лицо палачам:

— Да здравствует Эстонская Советская республика!

Народ принял этот клич, как боевое завещание своего знаменосца, и продолжал мужественную борьбу. Восемь лет назад, при братской помощи великого русского народа, он сбросил власть буржуазии, и Эстония стала советской. Ветер весны человечества — животворящий ветер свободы и счастья — овеял эстонскую землю.

Черные гитлеровские орды пытались растоптать это счастье, раздавить гусеницами танков. В огне и крови они топили эстонские города и села. Но и эти орды разбиты, развеяны могучими ударами Советской Армии. Страшны следы гитлеровского нашествия, еще кое-где руины темнят лицо наших городов, но все быстрее залечиваются раны войны, и вновь торжествует весна новой жизни.

Есть в эстонском эпосе чудесная сага. В ней говорится, что будто бы каждый год в ворота древнего Таллина стучится хозяин озера Юлемисте и требовательно вопрошает:

— Строится ли город?

Сегодняшний Таллин — столица Эстонской Советской республики — всеми делами своих людей гордо отвечает древней народной саге:

— Да, строится!

— Да, строится! — вторит ему Нарва, вторит Тарту, вторят города и села — вся молодая республика.

Весна возрождения и расцвета царит на ее просторах. Уже давно ожили и работают старый таллинский завод «Вольта», где когда-то был токарем Михаил Иванович Калинин, завод «Крулль», где и сейчас хранится реликвия эстонских рабочих — боевые знамена 1905 года, огромный таллинский порт — морские ворота страны. В Нарве из хаоса руин поднялась знаменитая Кренгольмская мануфактура. Скоро она станет самым крупным текстильным комбинатом в Европе, — а ведь это лишь одно из многих таких предприятий, что возникнут в послевоенной пятилетке на эстонской земле.

Весь в лесах новостроек наш сланцевый район — будущий эстонский Донбасс. Подымаются газосланцевые заводы, прокладываются новые шахты. Газопровод Кохтла-Ярве скоро даст газ городу-герою Ленинграду. Добыча сланца к концу пятилетки более чем вчетверо превысит довоенную.

Некогда пустынен был наш каменистый остров Сарема, воспетый в народных сказаниях. Теперь на нем, как и на всех полях Эстонии, подобно волнам родной Балтики, колышутся тучные хлеба. Они взращены нашими совхозами, сельскохозяйственными товариществами — трудолюбивым эстонским крестьянством, познавшим радость освобожденного труда.

Осененные счастьем созидания, растут новые люди — слава и гордость народа. Их тысячи — простых советских людей, героев нашего времени. Вот хотя бы два имени: Эльмар Аузинг, слесарь электрометаллического завода «Арба», он за два года выполнил свою шестилетнюю производственную программу; Эрих Клемент, монтажник таллинского завода «Вольта», он уже давно дает продукцию в счет 1952 года! Эти люди смотрят в будущее, они опережают самое время, не жалея сил для укрепления родины. Их вдохновенный подвиг — блистательный образец для искусства, для нашей литературы.

Весенний свет Первомая озаряет молодую Советскую Эстонию в лесах новостроек, в гуле строительных будней. И каждый день этих будней — праздник весны возрожденного народа, идущего в братской семье советских республик к сияющим вершинам коммунизма.

Народа власть указывает нам
Дорогу к будущим счастливым дням.
Отдать Отчизне силы без остатка!
На камень камень — возвышайся кладка!
И к солнцу мы растем, ограждены
Неизмеримой мощью всей страны.
Героям слава! Партии, чье знамя
Победное взвевается над нами!
И Сталина да славятся дела!
Вождю и другу — Сталину хвала!

ТАЛЛИН.

За мир и демократию!

Ответ американских мастеров культуры советским писателям

«С кем вы, американские мастера культуры?» — спрашивали в своем обращении, напечатанном в № 39 «Литературной газеты» (1947 г.), советские писатели: В. Василевская, Вс. Вишневский, Б. Горбатов, В. Катаев, А. Корнейчук, Л. Леонов, Н. Погодин, К. Симонов, А. Твардовский, А. Фадеев, К. Федин, М. Шолохов. Мы печатаем ответ на это обращение, подписанный тридцатью двумя прогрессивными писателями, художниками, артистами, композиторами Соединенных Штатов Америки.

Некоторое время тому назад вы направили открытое письмо писателям и деятелям культуры Соединенных Штатов. Вы выразили беспокойство за судьбы человечества, которому снова угрожает война, разжигаемая правящим классом. Вы спрашивали, почему большинство наших писателей, художников, ученых и учителей не выступает против тех, по чьей воле кровь льется реками в Греции, Индонезии и Китае. Вы призвали нас защищать мир, за который боролись простые люди во всех странах и который они желают сохранить. Ваше письмо говорит нам, что вас не ввели в заблуждение холостые выстрелы нашей печати и радио, а также громкие причитания наемных плакальщиков над прошлым — вся эта кошачья музыка, которую выдают за «голос Америки». Вы знаете, что простые люди в нашей стране не хотят превратить чудовище, поднявшееся над Хиросимой, в средство порабощения всего мира. Они не дышат ненавистью, ужасающей человечество. Они также являются жертвами эксплоататоров, которые надеются превратить Америку в «Четвертую империю».

Ваше обращение к нам внушает огромную надежду нашему народу, стремящемуся добиться правды. Мы поможем ему ответить на ваш призыв тем, что мы будем говорить, писать картины и книги о простых фактах и о путях к миру, обращаясь к народу с правдивым словом, разоблачающим неуемную ложь. Мы хотели бы ответить вам от имени всей интеллигенции нашей страны. Но разум также имеет своих предателей в людей, потерянных для него. Есть люди, которые готовы кричать петухом, чтобы заслужить похвалу или получить то, к чему единственно стремится их душа, — деньги. У них только одна задача — разуверять в том, что их хозяева могут быть чудовищами ради прибылей. В Германии люди, подобные им, заявляли: «Этого не может произойти здесь». В Америке они кричат о мире, взгромоздившись на горы трупов греков и китайцев, они хвастают равенством перед закованным в цепи негритянским народом и лепечут о дружбе с еврейским народом, который снова переживает страдания. Они надеются, что красивые слова послужат оправданием убийства.

Честные представители интеллигенции не будут подражать этому пудову племени. Выступление голливудских писателей-сценаристов и кинорежиссеров в комиссии по расследованию антиамериканской деятельности явилось испытанием их мужества. Ученые противятся превращению их знаний из орудия счастья в орудие ужаса. Деятели просвещения протестуют против превращения университетских спортивных площадок в плацы для муштры. Тысячи деятелей культуры начинают понимать, что травля Ганса Эйслера в США и охота за Пабло Неруда в Чили связаны между собой и что запрещение в'езда в нашу страну украинским певцам Зое Гайдай и Ивану Паторжинскому, а также мексиканскому художнику Гуэрреро и бразильцу Нимейеру и арест ученого физика Ирен Жолио-Кюри предвещают преследования, которым подвергнутся и сами деятели американской культуры.

Растущая поддержка кандидатуры Уоллеса среди американской интеллигенции свидетельствует о том, что она помнит о своей истории. Об этом помнят также миллионы американцев, которые уже присоединились к движению народной партии в защиту своих основных прав и самой жизни. Разве мы не называли нашу страну колыбелью свободы? Наши величайшие писатели служили зеркалом, смотрясь в которое, каждый человек мог испытать свою совесть и узнать, стоит ли он на стороне угнетателей или на стороне угнетенных. Наш рабочий класс не раз боролся за прогресс человечества. Мы никогда не забудем этого и не допустим, чтобы наша нация погрязла в трясине фашизма. Мы также не забыли банкиров, финансировавших Гитлера. Сейчас мы видим, как они вытаскивают для управления Германией тварей, которым место под землей, палачей, замучивших миллионы людей, кошмарные призраки из Тевтобургского леса. Мы видим, как они льстят японским фашистам и феодалам и свирепствуют в корейских тюрьмах-бойнях. Они хотят, чтобы все земли ощетинились нашими штыками и чтобы в таком воинственном духе воспитывалась наша молодежь. Они грезят об урановых вулканах, воспламеняющих землю. Мозг из металла, сердца, похожие на сушеный горох, — какой честный человек среди нас может оправдывать таких людей?

Наши капиталисты остро сознают силу культуры. Они хотят указывать нам, что следует и чего не следует говорить в защиту их системы. Наш президент присваивает себе роль художественного критика. После нескольких элементарных уроков он самоуверенно осуждает художников. На обеде в Вашингтоне знатоки с Уолл-стрита восхищаются фигурным тортом, названным «Атомная бомба». Они могут даже дать приз кондитеру, приготовившему этот шедевр. Но американские художники знают, что стоят эти поклонники культуры. Если книга не приносит шестипроцентной прибыли, если симфония не привлекает покупателей билетов, это не искусство. Стихи и музыка, используемые в радиопередачах государственного департамента на Европу, нередко созданы людьми, которыми на протяжении всей их жизни пренебрегали и которых презирали лицемеры, сейчас делающие вид, что они почитают их. Покровители де Голля и де Гаспери испытывают лишь презрение к творческому труду и страх перед ним.

Мы знаем, насколько по-иному смотрят на деятелей искусства в вашей стране, где они окружены любовью миллионов людей и где им предоставлены средства для выполнения их общественного долга. Мы хотим разделить с вами этот долг. Мы будем работать во имя дружбы между нашими народами. Любя свою страну, мы будем помогать показывать нашему пробуждающемуся народу подлинную природу и источник ужасной угрозы. Мы надеемся, что ваше писмо и наш ответ послужат началом тесной плодотворной связи между нами, которая даст нам возможность обмениваться мыслями и выступать совместно против голоса смерти. Наши враги поймут, что наша международная солидарность во имя мира и демократии непоколебима, несмотря на их неистовые метания и преследования.

В день наступающего 1 мая мы жмем вашу руку, руку всего человечества.

Нелсон Элгрен, Джеймс Аллен, Герберт Аптекер, Томас Болл, Уолтер Бернштейн, Элва Бесси, Марк Блицштейн, Б. А. Боткин, Ричард Бойер, Ллойд Браун, Арно Д'юссо, Филип Эвергуд, Говард Фаст, Бен Филд, Сидней Финкльстейн, Барбара Гайлс, Роберт Гуотми, Чарльз Хамболдт, В. Джером, Мериидель Лесур, Рей Лев, А. Б. Мэджилл, Карлтон Мосс, Джозеф Норт, Айсидор Шнейдер, Говард Сельсам, Сэмюэль Силлен, Рафаэль Сойер, Ира Уоллак, Теодор Уорд, Макс Вебер, Докси Уилкерсон.

Весна болгарского народа

Людмил СТОЯНОВ

Над нашей молодой республикой — весна.

От Дуная до Странджа-гор и от Черного моря до реки Струмы земля вскипает новой жизнью. Миндальные деревья в цвету; разбросанные на зеленых холмах, они напоминают девушек в пестрых нарядах. По всей Фракии переливаются волнами лоснящиеся нивы. Над отрогами старых Балкан плывут благодатные дождевые облака...

«Хороша страна Болгария» — поется в русской песне. Болгария действительно прекрасная страна, народ которой долгие века находился под пятой грубых завоевателей, стонал под властью иноземных и отечественных хищников. Но болгарский народ вел непримиримую борьбу с этими поработителями, борьбу, отраженную в его чудесном героическом эпосе. Какая гордость и какое достоинство звучат в гайдуцких народных песнях!..

В Болгарии сейчас весна не только в буквальном смысле слова. Она также в сердцах и душах граждан моей страны, в стройном шаге и бодрой песне молодежи, в труде сотен тысяч работников полей и фабрик — бригадиров, ударников, рационализаторов, творцов новой демократической культуры. Их сердца преисполнены восторга и надежды, а в глазах воля и решимость. Сознание светлого завтрашнего дня, встающего над родной страной, воодушевляет их.

У нашей страны сегодня — новое, молодое лицо. Какая чудесная перемена! Еще недавно добыча агрессивного пангерманизма, Болгария сейчас будто рождается вновь. Страна встает из нищеты и расправляет плечи, чтобы строить новую жизнь. Народ стал сам кузнецом своего счастья, и теперь он одну за другой разбивает цепи прошлого и отбрасывает прочь устаревшие моральные и политические предрассудки. Народ знает, что творит новую жизнь, творит социализм. Мрачные призраки прошлого исчезают под лучами весеннего солнца, под пламенным взглядом победившего народа...

Когда на первомайский парад выйдут колонны трудовой Болгарии, когда на улицах зазвучат песни братства, мира и славянской солидарности, над нашими праздничными колоннами будет витать вдохновляющий пример Советского Союза и образы любимых народом вождей — Георгия Димитрова и Иосифа Сталина. Это образы с любовью хранит в своем сердце каждый болгарский рабочий.

Наша маленькая страна чувствует себя сейчас как бы выросшей, окрыленной. Это потому, что она живет своей весной, потому, что она может вместе с непобедимым Советским Союзом участвовать в строительстве мирной и счастливой жизни для всего человечества, потому, что она знает, что мрачные призраки прошлого никогда уже не вернутся.

СОФИЯ. (По телеграфу).

Хорхе АМАДО

В борьбе за независимость

Хорхе Амадо — известный передовой бразильский писатель, находящийся сейчас в Париже.

С каждым днем давление американского империализма становится в Бразилии все более циничным и откровенным. Правительство Дутра не только фактически утратило всякую независимость, но даже не сохранило ее видимости. Приведу для примера хотя бы следующий факт: накануне того дня, когда Верховный суд вынес приговор о запрещении бразильской коммунистической партии, командующий американскими войсками в Бразилии отдал приказ принять меры предосторожности — о решении Верховного суда ему было известно заранее...

Вы спросите, откуда в Бразилии войска США? Им, конечно, не полагается находиться там, но американцы сохранили на нашей территории много военных баз, и, разумеется, их занимают вооруженные силы США.

Когда под давлением народа бразильское правительство во время войны приняло решение выступить на стороне союзников, президент Варгас вынужден был согласиться на возвращение в Бразилию политических изгнанников и раскрыть двери тюрем перед политическими заключенными. Демократические силы страны организовались и укрепились. Национальная ассоциация бразильских писателей сыграла значительную роль в развитии демократического движения. На первом с'езде Ассоциации, в январе 1945 года, писатели потребовали введения демократических свобод.

Писатели Бразилии всегда участвовали в борьбе своего народа за лучшие условия существования. Такова давняя традиция нашей литературы.

В октябре 1947 года состоялся второй конгресс Национальной ассоциации писателей. Конгресс потребовал осуществления конституции, вынес резолюцию, требующую экономического раскрепощения Бразилии и отмены запрещения компартии и протестовал против преследования прогрессивных писателей и журналистов.

С тех пор положение бразильских писателей значительно ухудшилось. По настоянию американских агентов полиция удвоила свою активность. Не так давно запрещены две пьесы Нельсона Родригеса. Писатель Кандидо Портинари вынужден был эмигрировать в Монтевидео. Видный поэт Айдано де Канто Ферраз был осужден на шесть месяцев тюрьмы. Полиция преследует известного журналиста Рафаэля Корриедо де Оливейра за то, что он осмелился писать статьи, направленные против США.

Правительство Дутра усердно способствует экспансионистской политике янки в области культуры. Страна наводнена книгами и журналами на португальском языке, издаваемыми в США, кинозрелищами Голливуда. Теперь у нас официально об'явлена кампания за искусство, «совершенно очищенное от политики».

Должен сказать, что у писателей эта кампания не имеет успеха. Наоборот, художники и литераторы все активнее участвуют в борьбе за политическую независимость Бразилии. Весьма показателен такой факт, как вступление в компартию известного романиста Хосе Гeральдо Вейра, а также писателей Грасилиано Рамос и Лансельо Мадисидо, художников Хосе Панчетти и Грасиано.

Все мы сознаем, что главная задача бразильской интеллигенции — без устали бороться за установление таких экономических и политических условий, которые обеспечили бы нашему народу свободу и независимость.

Что касается меня, то в настоящее время я работаю над большим романом о Бразилии, охватывающим период с 1941 года по настоящее время. Я хочу показать великую эволюцию нашего народа и его борьбу за свободу. Может ли быть у литературы задача более благородная, чем помочь массам осознать важнейшие проблемы их существования, их силы и историческую роль!

ПАРИЖ.

Н. ЕМЕЛЬЯНОВА — Очерк

Дело человека на земле

— Завтра мы поедем в Перкальский питомник, — сказала Зинаида Ивановна. Прошло десять дней с тех пор, как она начала брать нарзанные ванны. Лицо ее немного порозовело, чувствовалось, что она отдыхает.

Утром мы сели в полупустой поезд. Кто не знает этого легкого ощущения, когда вы усаживаетесь у окна вагона и впереди целый день в новом для вас месте? Мы проезжали мимо белых домиков поселков с фруктовыми деревьями около них; верхушки деревьев и концы ветвей побелели—цветочные почки на яблонях набухли и готовились вот-вот распуститься.

Горы вдоль дороги уже не были однообразно серы, начиналось весеннее их преображение. Повсюду в расселинах и трещинах появились пятна еще нежной зелени. Рядом с ними даже бурая прошлогодняя трава нарядно расцвечивала склоны, на которые серые выступы камня под ярким солнцем бросали зубцы черных теней. Главный тон гор был сиренево-серый, и дым палов кое-где обвивал их молочным туманом.

Теперь Бештау был перед нами, мы ехали к нему, и с каждым поворотом он выступал рельефнее. Показались еще два зубца горы. «На запад пятиглавый Бешту синеет, как «последняя туча рассеянной бури», — писал Лермонтов. Мы долго смотрели, не перекинувшись ни словом. Напротив нас две женщины вспоминали, как здесь приходили немцы...

— Никак нельзя смотреть на Бештау, как на обыкновенную гору, — сказала, наконец, Зинаида Ивановна, — и невероятно, что здесь были немцы.

На станции «Пятигорск» мы застали утреннее движение людей, едущих на базар и с базара. В вагоне появились женщины — загорелые лица, мешки, корзины с яблоками, связки лука. Яблок особенно было много: прекрасные сорта крупных, цвета слоновой кости и сильного аромата плодов напомнили нам трудности разведения садов на Дальнем Востоке.

— У нас на Алтае колхозники любят сады, и у нас постоянная связь с ними, — сказала Зина. — Есть особая прелесть труда на плодово-ягодных станциях: работаешь для украшения нашей земли! Климат иногда причиняет беспокойство, но все же не так, как на Дальнем Востоке. Раз у нас была снежная буря: яблони, целые деревья, ломались под тяжестью снега, не говоря уж о ветвях. Мы вышли на борьбу, помогали деревьям, сваливая снег с ветвей, а потом — сколько времени! — подпирали сломанные ветви, связывали крепко там, где произошли надломы, и разрывы древесины. У нас большой сад. Наш директор — Герой труда... Вот интересно, как тут у них, в питомнике?

Мы остановились на станции «Машук». Под серыми ветвями ясеней и акаций рядом с бурым прошлогодним листом, озерками голубели подснежники. По разбитой колесами глинистой дороге мы пошли к склону Машука, отсюда больше похожего на «мохнатую персидскую шапку», чем со стороны города: питомник находился на противоположном от города склоне.

Зинаида Ивановна с живым, чисто ботаническим интересом всматривалась в свежие побеги, иногда наклонялась и разбирая пальцами прелую листву. Мы уже давно шли по молодому сероствольному лесу, где расцветали лиловые и белые хохлатки.

— Смотрите, — обводя рукой вокруг, сказала она, — как запущен питомник! Вот эти деревья, что вы видите вокруг себя, — это переростки. Их надо было давно высадить. — Она подошла к стройному деревцу с гладкой корой и погладила ее, любуясь: «Каштанчик! — назвала она. — Вероятно, у них нехватало рабочих рук?..»

Когда мы в конторе питомника познакомились с директором, молодой еще женщиной, пережившей блокаду Ленинграда, знакомой Зинаиды Ивановны со времени ее работы в академии, Зина спросила, почему в питомнике так много невысаженных деревцев.

— Как началась война, рабочих рук убавилось, да и потребность в озеленении сократилась, а потом, когда немцы пришли,— жизнь в питомнике замерла. Я, правда, не была в то время здесь, но это понятно.

Мы помолчали. Война здесь оставила разрушение особого рода: человек отвернулся от природы, которую держал в своих руках, и она забушевала во всю силу своей плодовитости. Тонкое дело разведения декоративных растений стало зарастать дичью, глухоманью...

— Когда я была у мамы в Минске, — сказала Зинаида Ивановна,—я видела ужасные разрушения в городах, жилищах, в сердцах. Там был самый центр войны. А тут — тоже везде следы... Как же вы справляетесь теперь?

— Ну, теперь потребность в растительном материале огромная! Хотя у нас рабочих еще недостаточно, приезжают служащие из санаториев со всей группы Минеральных вод. Под нашим руководством, с нами вместе, отбирают себе саженцы, возят машинами. Ну как же! Такая потребность украсить, обновить свою землю!

Был выходной день, и некому было сопровождать нас, кроме хромого садовода, опиравшегося на толстую палку. Он показал нам оранжереи и хотел было проводить по питомнику; но Зинаида Ивановна сказала: «Зачем? Я сама разберусь, вы отдохните». Она переходила от одного растения к другому, останавливаясь перед голубыми елями, перед самшитовыми деревцами. Она смотрела на них, как на детей, и говорила, что купит и повезет к себе на Алтай «вот эти две елочки, штук восемь самшитников, хоть пяток каштанчиков». Ей хотелось увезти с собой побольше разных семян.

— Я им оставлю наши — в обмен: а себе куплю у них... — она называла виды декоративных растений, как мне показалось, местных, которых нет на Алтае.

— Местные? — улыбнулась Зинаида Ивановна, — да какие же это местные? Это все привезено, прислано, обменено, выведено. И многое — за последние годы. Это все воспитанники человека. Здесь много дальних растений, которые тут прижились и дали прекрасные формы. Узнаете вы дальневосточный папоротник? А лespedeцу? — «Да, да, — отвечала она садовод, ожидавшему нас на солнышке у оранжереи, — ваши семена у нас прекрасно пошли. А посмотрели бы вы на мои розы! Восемьдесят сортов, на полутора гектарах! Там есть и ваши сорта. Я хочу еще взять. У меня большой план на третий год пятилетки...» Я привезу вам свои семена через две недели и тогда заберу у вас то, что мне нужно». — Она вся оживилась и расцвела.

Хорош человек, занятый любимым делом! Я как бы видела Зину среди ее растений на Алтае. Мариэтта Шагинян, бывшая на Алтае, «не поверила своим глазам», увидев «словно где-нибудь в Кисловодске, на горном склоне фантастическое великолепие цветников. От них шла теплая волна густого аромата. Были тысячи роз всех оттенков, от пурпурных до бледнорозовых с подпалиной... Тут не было клумб и скамеек, тут просто сияло, как в поле, несметное богатство красок...» Так она описала «хозяйство» Зинаиды Ивановны Лучник в показательном «Плодово-ягодном питомнике» зональной алтайской станции.

За этими великолепными цветниками располагались ягодники, за ними — фруктовый и ботанический сады, и все это образовывало ту «гордость Ойротии», которую создал директор станции, основатель плодоводства на Алтае, лауреат Сталинской премии Михаил Афанасьевич Лисавенко. Как только Зина назвала мне его имя, я вспомнила очерк Мариэтты Шагинян и лицо самого Лисавенко: я видела его фото в витрине «Известий» на Пушкинской площади: на фотографии лицо было энергичное, сосредоточенное, с прямым взглядом.

Мне пришла мысль, как много людей у нас знают друг друга, встречались на с'ездах, видели на фотографиях лица таких же, как они сами, знаменитых мастеров своего дела. Вся страна, как та по-весеннему просторная долина с черными отдохнувшими полями, — поле деятельности нашего современника, преобразователя родной природы, который обуздывает и направляет ее могучие силы. И все гуще покрывает огромное пространство родины ткань ума и творческой мысли, сплетенная из тысяч отдельных горячих вспышек человеческого мозга. Так мысль и труд Зинаиды Ивановны Лучник украшают землю рядом с трудом Лисавенко и тысяч советских людей.

Расспросив о дороге к могиле Лермонтова, мы пошли лесом по плечу Машука.

— Да, но сколько за войну потеряно времени и сил, — сказала Зина, — не так много живет человек, чтобы так страшно расходовать свою жизнь. Столько для него дела на земле! Боль за личные свои потери человек должен преодолевать тихо: радость была моя, боль—тоже моя. Но вот когда разрушают общее дело, — тут надо кричать, драться, не давать его разрушить, и звать людей бороться за него.

Вдоль лесной дороги, по которой мы шли, расцветали фиалки. В просвете ее уже был виден тонкий обелиск памятника. Из-за стволов деревьев показывался и скрывался крутой холм Бештау.

— Тут изменилось все за сто лет, — сказала Зинаида Ивановна,—мы с вами идем по молодому лесу; наверное тут был старый лес, он погорел или был вырублен — и вырос новый. Идут новые люди, женщины разговаривают об «общем деле», которое при Лермонтове было «не женским» делом. Природа изменилась, люди стали другими, все другое.

Мы уже выходили на поляну около памятника. Небольшой домик виднелся на противоположной стороне ее.

Было уже послеобеденное время, почти час дуэли. Зубчатые очертания Бештау выделились на ясном небе, и, освещенный солнцем, он был светел и величав. По долине между ним и Машуком шел поезд из Пятигорска. Направо поднимается гора «Змейка» с белой крутой стеной, может быть, осыпью, спускающейся, как плащ. С другой стороны долины синеют пологие горы. Из-за какой их вершины поднялась туча и где блеснула молния в час дуэли, когда разразилась гроза и дождь полил на лежащее здесь, прикрытое буркой тело Лермонтова?

Так мы стоим около памятника, поставленного на месте дуэли. Колонна, сложенная из белого камня, светлеет на темной зелени елей, посаженных позади нее. Живая весна расцветает у ее подножья: серые ветви дубов и ясеней оживают, они стали гибкими, и почки на них набухли.

Мы смотрели на долину с черными еще полями. Вдали синело озеро. Зина сказала:

— Скоро у нас на Алтае посевная. Я приеду домой как раз в горячие дни. Во время посевной отправляешь рабочих высаживать растения, но всюду ходишь, смотришь, помогаешь сама. Посевная! Все ходят загорелые, пыльные, напряженные. Устают, а глаза возбужденные, блестят. И сама волнуешься, чтобы все успеть сделать хорошо. Спешишь. Сваливаешься вечером без сил, а проснувшись — первый взгляд — в окно! Первая мысль — что там?

Вот я тут стою, и мне на душе может быть и хорошо, и плохо — всяко! А дело мое ждет меня, оно со мной на всю жизнь. И какая радость смотреть, как выходят тугие, упругие ростки из земли...

К станции мы подошли уже в сумерки. На Бештау сгустились цвета, их стало всего три: темносиний, глубокий зеленый и серый. По серой огненной вершине змеей полз сначала голубоватый, потом оранжевый огонь палов. Белый дым затянул острую грань и потянулся вверх. Бештау закурился.

Окрестные горы потемнели. Из вагона казалось, что белые известняковые осыпи отделились от темных силуэтов гор и передвигаются вместе с ходом поезда. Среднюю, самую высокую вершину Бештау опоясал огонь.

Мария МАЙЕРОВА

Наша победа

Первое мая 1918 года в Чехословакии будет самым прекрасным и самым радостным праздником труда за всю историю нашей страны.

Много лет назад впервые блеснули первомайские искры, разгоревшиеся впоследствии в светлое и яркое пламя. Идея международной демонстрации за права трудящихся была воспринята чехами с величайшим энтузиазмом.

Чешские земли входили тогда в состав Австро-Венгрии, и мы, чехи, жили в условиях полицейского государства, которое жестоко карало за каждое свободное слово, об'являло рабочих заговорщиками, если они собирались вдвоем или втроем для того, чтобы поговорить о своих нуждах. Полиция строго следила за рабочей газетой, проверяла редакционную почту и держала на учете каждого подписчика.

Недавно мне довелось побывать на заводе имени Сталина, находящемся в одном из северных районов Чехии. Старейший рабочий этого завода рассказал мне о том, как в те давние времена полицейский обыскивал его с целью обнаружить у него рабочую газету. Однако, несмотря на террор и преследования, рабочие тогда решили, что первый праздновать Первое мая вместе со всеми рабочими мира.

В газете «Народни листы» сотрудничал крупнейший чешский поэт Ян Неруда. Для него работа в газете была источником существования, позволявшим заниматься поэзией, создавать свои бессмертные стихи. Неруда писал о театре, о литературе, о своих путешествиях, создавал юмористические картинки из жизни городской улицы и деревни. Он видел и Первое мая 1890 года — первый чешский май. Вот что Неруда писал о нем:

«...Мы дождались его. Мы были свидетелями самого замечательного первого мая в нашей истории!.. Спокойным, железным шагом нагрянули 1 мая 1890 года рабочие батальоны; бесчисленные, необозримые, они влились в людской поток, чтобы всегда идти одинаковым шагом к благородным человеческим целям... Это был бег чистый и непреоборимый, как волны океана. Каждый, кто это видел, тот понял его силу...

Особенный день! Такой тихий, пасмурный. Улицы выглядят по-новому. Не видно кричащих головных уборов. Не видно экипажей и даже пролеток. Никаких господ. Никаких дам. На улицах только те, кому это необходимо, а среди них и мы, которых рабочие ошибочно принимают за господ. Но подлинные господа—в колонне рабочих.

Вдруг толпа начала валить от Прашной браны. Это шли рабочие с собрания, которое происходило в Карлине. Красные значки, красные галстуки... Те же цвета, которые развевались над головами гуситов. И эти же цвета вьются сегодня над головами борцов за гражданские права. Массы идут».

Таков был наш первый чешский Первомай. Поэт навсегда сохранил для нас его сияние, его великое значение.

Последовавшие затем первомайские праздники не были такими же мирными. Уже в 1891 году произошли аресты. Май 1892 года повлек судебный процесс над прогрессивной молодежью.

В нашей стране, как и везде, майские торжества являлись выражением требований рабочих, этапами в истории рабочего движения. Из года в год силы рабочих росли. В 1898 году накануне 1 мая в Национальном театре в Праге состоялся специальный спектакль для рабочих. Такие спектакли повторялись. Рабочие поэты перед началом спектаклей произносили монологи.

В 1906 году в Праге состоялись два митинга, а в провинции — множество собраний. Демонстранты несли знамена и лозунги. В Первомай 1914 года у нас впервые пели «Интернационал».

После окончания первой мировой войны этот праздник из года в год становился все радостнее и могущественнее. Чешские рабочие создали коммунистическую партию. Первомаи компартии были чудесными и обнадеживающими. Правительство старой буржуазной Чехословакии мало чем отличалось от Австро-Венгерской монархии по своему отношению к участникам первомайских демонстраций и их организаторам. Запрещения, аресты, тюрьмы обостряли борьбу рабочих за свои права.

После освобождения страны от немецких оккупантов и до нынешнего года день Первого мая праздновался в Чехословацкой республике в обстановке враждебности между политическими партиями.

Первое мая 1948 года будет подлинно всенародным праздником. Все партии Национального фронта, профсоюзы, молодежь, весь народ вместе отметят этот день. Могучие первомайские колонны возрожденного Национального фронта будут нести лозунги, ныне претворяющиеся в действительность:

Народная демократическая конституция... Всеобщее социальное страхование трудящихся... Единая школа... Единое революционное профсоюзное движение...

Рабочие и работницы, трудящиеся деревни и трудовая интеллигенция Чехословакии в радостный день Первого мая 1948 года горячо приветствуют своего любимого освободителя — могучий Советский Союз!

ПРАГА.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.
Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники и отдел писем — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.
Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5
Б—01725